

При відборі навчального матеріалу важливим є також урахування предметних та розумових дій з іншомовним матеріалом, на основі яких формуються знання, уміння та навички, що є способами діяльності спілкування і засобами пізнавальної діяльності. Це слід враховувати у комунікативних завданнях, які має ставити перед студентами викладач або які ставитимуть перед собою самі студенти на основі певних мовленнєвих намірів.

При відборі змісту навчального матеріалу слід передбачати і відбір лексичного матеріалу, тобто одиниць мови та мовлення (звуків, слів, речень, цілісних текстів), а також правил оперування ними. При цьому важливо враховувати його кількісну обмеженість та функціональну достатність.

Важливим є також збагачення предмету емоційним та особистісно значущим матеріалом. Психологи та методисти однак вказують на перевагу емоційного засвоєння будь-якої інформації. Вони стверджують, що діяльність, яка підтримується емоціями, є більш успішною, ніж діяльність, мотивована лише доказами розуму. Зокрема І.П. Павлов вбачав в позитивних емоціях джерело продуктивної роботи головного мозку: “Емоції відображають значущість явищ, тому їх можна використовувати при створенні мотиваційного компоненту діяльності” [1].

Емоційну насиченість навчальних матеріалів посилює цікавість навчальних текстів. Лише завдяки цьому досягти емоційного сприйняття неможливо через наявність такого суб'єктивного фактору, як різний інтерес. Особливо слід підкреслити, що ефективність впливу навчального матеріалу на емоційну сферу особистості, розуміння та запам'ятовування матеріалу залежать від форм його презентації.

У цілому лексичні і фразеологічні одиниці слід вивчати з урахуванням національно-культурної специфіки їх значень та використання. Зокрема, необхідно передбачити оволодіння студентами безеквівалентною та фоновою лексикою в рамках певної тематики, а також власними іменами (в тому числі географічними назвами), які складають мінімум грамотності, необхідної для безпосереднього спілкування з носіями англійської мови і розуміння аутентичних текстів. В цьому випадку слід враховувати, що основу продуктивного словникового запасу на базовому рівні повинні складати найбільш частотні комунікативно значущі лексичні одиниці, поширені в типових ситуаціях спілкування, в тому числі оціночна лексика для вираження своєї думки, розмовні кліше, елементи мовленнєвого етикету.

Література

1. Методика викладання іноземних мов: Республіканський наук.-метод. зб. – К.: Рад. школа, 1989. – 118 с.
2. Методика преподавания иностранных языков: Республіканський науч.-метод. сб. // Отв. ред. М.В. Ляховицкий. – Вып. 9. – К.: Рад. школа, 1980 (III кв.). – 128 с.
3. Рахманов И.В. Обучение устной речи на иностранном языке: Учеб. пособие – М.: Высшая школа, 1980. – 120 с.

УДК 821.161.2_34

СПИВАЧУК В.А.
(Хмельницький)

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗОВ А.И. КУПРИНА “ЧЁРНАЯ МОЛНИЯ” И П.С. РОМАНОВА “РУССКАЯ ДУША”

У статті здійснено типологічний аналіз оповідань Купріна “Чорна блискавка” та Романова “Російська душа”. З'ясовано, що у письменників з багатьма спільними рисами у життєвій та творчій долі, соціальному походженні, модифікаційно різні твори мають спільний сюжет, але різні прийоми композиції сюжету та нарративу.

Отечественные литературоведы не один раз обращались к творческому наследию А.И. Куприна и П.С. Романова в своих исследованиях (Злобина М., Логвин Р., Фатов Н.) [1; 2; 6]. Но до сих пор, несмотря на схожесть в литературной судьбе, не обращалось внимание на изучение типологии творчества обоих писателей.

Таким образом **цель статьи** – провести сопоставительный анализ произведений А.И. Куприна и П.С. Романова (“Чорная молния”, “Русская душа”) на жанровом и сюжетном уровне, найти то общее, что объединяет эти два разных по модификации рассказа и выделить особенности сюжетостроения, отмечая при этом различия в приемах композиции и нарратива. Хотя о Романове и Куприне критических откликов написано достаточно много, исследования на данную тему не проводились.

П.С. Романов и А.И. Куприн – писатели разных творческих дарований: Романов – сатирик, Куприн – прозаик. Казалось бы, что может связывать этих два абсолютно разных человека: и по

творческой судьбе, и по стилю написания своих произведений? Но общее всё-таки есть: оба писателя родились в конце XIX века, когда в России назревал общественный, политический и духовный кризис. Дистанция в четырнадцать лет, так четко разделившая даты их рождений – П. Романов родился 25 июля 1884 года, А. Куприн – 26 августа 1870 года, – станет прямо-таки мистическим началом многочисленных совпадений, которыми свяжутся эти имена: оба стали студентами – П. Романов – в 1905, Куприн – 1876 году был зачислен в сиротское училище, в 1880 году – во Вторую московскую военную гимназию, а затем – в Третье Александровское юнкерское училище в Москве. Но Романов совсем немного проучился в университете и оставил его с тем, чтобы заняться главным делом своей жизни – писательством. Хотя тяга к сочинительству впервые проявилась у Романова уже в начальных классах Тульской гимназии, но первое литературное произведение осталось незаконченным, по словам самого писателя, “вследствие недостаточного знакомства с бытом и нравами Англии” [4, с. 4]. Затем, начиная с последних классов гимназии, Романов делает наброски, которые позже станут составной частью законченных произведений. В это время складывается и писательское кредо Романова, которому он будет следовать всю жизнь: писать об обыденном, обычном, знакомом всем, избегать сугубо личных мотивов, исключительных событий и характеров. В 1911 году Романов публикует рассказ “Отец Фёдор”, который не приносит ему успеха. Разочаровавшись и потеряв веру в себя, Романов идёт на службу в банк, где он проработал тринадцать лет в качестве поверенного банка. По работе он совершал многочисленные поездки по всей России, что сыграло огромную роль при написании дальнейших его произведений.

Куприн же начал пробовать свои творческие силы ещё в гимназии, когда, подражая демократически настроенным стихотворцам 1880-х годов, пишет сатиру на императора Александра III (“Недоразумение”) и клеймит “гнусное, страшное дело” царского суда, откликаясь на готовящуюся расправу над А.И. Ульяновым и четырьмя его товарищами-народовольцами, обвинёнными в подготовке покушения на российского самодержца. Уже будучи в юнкерском училище, Куприн впервые выступил в печати с рассказом “Последний дебют” в журнале “Русский сатирический листок”, который не имеет успеха среди читателей. Окончив Александровское училище, Куприн в звании подпоручика отправляется в город Проскуров Подольской губернии и не относится сколько-нибудь серьёзно к своему “писательству”. Но именно эти годы, проведённые в глуши, занимаясь утомительно-обнообразными занятиями ружейными приёмами и “словесностью” с ошалевшими от муштры солдатами; кутежами в офицерском клубе да пошлыми интрижками и романами, дали возможность Куприну изучить провинциальный военный быт, а также познакомиться с нищей жизнью еврейского местечка, с бытом полесского села и с нравами провинциальной интеллигенции, что нашло отображение в творчестве писателя.

Но, несмотря на различную жизненную судьбу, существенную разницу в возрасте и одинаковое социальное происхождение: отец П. Романова – потомок крепостных – был мелким служащим в Белёвской городской управе Тульской губернии; отец А. Куприна тоже был мелкий чиновник и служил у местного мирового посредника; обе семьи, испытывая бедность, всё же сумели дать детям образование. Немаловажным остаётся и тот факт, что в ранние годы у обоих был учитель-наставник, который привил любовь к литературе. У Романова учитель словесности Токарев, в Тульской гимназии, своим одухотворённым словом увлекает гимназиста Романова русской литературой XIX века, заражает стремлением к созиданию и в связи с этим, как отмечал Фатов, “Гоголь, Гончаров, Тургенев, Толстой становятся великими учителями и вдохновителями писателя с первых до последних дней творчества” [6, с. 271]. Поэтому в бурные, реформаторские 1920-е годы Романов среди тех немногих художников, которые сохраняют верность традициям русской классической литературы. Наверное, и здесь проявилась сила идеи “устойчивости бытия”, которой был так верен писатель. И в связи с этим в первые послереволюционные десятилетия мало кто из писателей мог соперничать в популярности с Пантелеймоном Романовым.

У Куприна зародилась настоящая, глубокая любовь к литературе среди мрачного быта кадетского корпуса благодаря педагогу-литератору Цуханову, который “замечательно художественно” читал воспитанникам Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева. И возможно, именно поэтому все произведения писателя пропитаны “бесконечной добротой или, говоря его же словами, любовью ко всему живущему – к дереву, собаке, воде, земле, человеку, небу” [3, с. 5]. От природы у Куприна было умение видеть, поразительная наблюдательность и память. Также он имел необыкновенное зрение, тонкий слух и редкостную чуткость к запахам и ароматам. Современники Куприна шутили, что в нём было что-то “от большого зверя”. “Читая Куприна, и впрямь ощущаешь его необычайное, прямо-таки “звериное” обоняние” [3, с. 14] (роман “Юнкера”). Куприн – великолепный рассказчик по естественности и гибкости интонаций.

Но творческая судьба у писателей разная, хотя во многом можно найти и точки соприкосновения: Романова сопровождает сначала широкая известность, любовь и почитание читателей, прижизненные собрания сочинений, миллионные тиражи, сборники критических работ, посвященные творчеству и вышедшие в 1928 г., затем “непонимание” критики, всё большие и большие притеснения, организованная травля, с небольшими передышками, глумление, изъятие из библиотек произведений, табу на имя, страх и постоянное ожидание ареста как медленная и изуверски мучительная казнь, отчаяние, предельная усталость от жизни... и смерть. Его физическая смерть после тяжелой болезни в апреле 1938 года, видимо, стала закономерным итогом смерти моральной. “Я уже не могу писать”, – говорил Романов в последние месяцы жизни писателю Александру Вьюркову. Писать соответственно присущему ему таланту было непозволительно, а подстраиваться под требования критики он не мог.

Куприна сначала сопровождает успех. В течение первого десятилетия 1900-х годов талант писателя достигает зенита. В 1909 году Куприн получил за три тома художественной прозы академическую пушкинскую премию, поделив её с Буниным. В 1912 году выходит собрание его сочинений в приложении к популярному журналу “Нива”. Однако произведения этих лет отличаются крайней художественной неравноценностью. Например, после проникнутого ярким гуманизмом “Гамбринуса” (1906) Куприн выступает с рассказом “Морская болезнь” (1908), вызвавшим протест демократической общественности. Одновременно с полнокровным реалистическим рассказом “Чёрная молния” (1912) появляется фантастическая повесть “Жидкое солнце” (1912), необычная для Куприна по экзотичности событий.

После Октября он оказывается за рубежом и с 1920 года оседает в эмигрантском Париже. Но он скучает за Россией, так как всегда любил её горячо и нежно. Поэтому 31 мая 1937 года он возвращается уже в новую, Советскую Россию. Но тяжёлая болезнь не дала ему возможности возобновить творческую работу и он, как и Романов, умирает в 1938 году, но на четыре месяца позже, 25 августа.

Так, казалось бы, два абсолютно разных писателя заканчивают свою жизнь и умирают в один год. Каждый из них оставил довольно богатое творческое наследие своим потомкам. Рассмотрим рассказ А.И. Куприна “Чёрная молния” (1912) и рассказ П.С. Романова “Русская душа” (1916). Они написаны писателями с разницей в четыре года, но проблема, поднимаемая двумя писателями, одинаковая – это жизнь русской провинции. Описывая жизненный уклад персонажей, и Романов и Куприн обращают внимание на то, что персонажи “жили без всякого напряжения воли, без всяких усилий, без борьбы. Если приходили болезни, они не искали причины их и не удаляли эти причины, а подчинялись болезни, как необходимости, уклоняться от которой даже не совсем хорошо. Зубы у них портились и выпадали в сорок лет. Они их не лечили, видя в этом что-то легкомысленное” [4, с. 35]. “День здесь у всех проходил без всякого определённого порядка: один вставал в 6 часов, другой – в девять. Дети, которых родителям было жалко будить, спали иногда до 12 часов.

Обедали то в два часа дня, то в одиннадцать утра. А то кто-нибудь подойдёт перед самым обедом к шкафчику, увидит там вчерашнюю вареную курицу и приберёт её всю. А там отказывается от обеда, жалуясь на то, что у него аппетита нет. К вечернему же чаю, глядишь, тащит себе тарелку холодных щей.

Потом кто-нибудь после вечернего чаю прикурнёт на диване и, смотришь, помахнул до самого ужина” [4, с. 36], а потом, когда уж все легли, “бродит ночью по дому, натываясь на стулья, и бормочет, что наставили всего по дороге. Утром же, по обыкновению, жалуется на бессонницу” [4, с. 36].

Куприн как будто вторит Романову: “Здесьние мещане – народ богобоязненный, суровый и подозрительный. Чем они занимаются и чем живут – уму непостижимо. Летом ещё кое-кто из них копошится около реки, сгоняя лес плотами вниз по течению, но зимнее их существование таинственно. Встают они поздно, позднее солнца, и целый день глазуют из окон на улицу, отпечатывая на стёклах белыми пятнами сплюснутые носы и разляпанные губы. Обедают, по-православному, в полдень, и после обеда спят. А в семь часов вечера уже все ворота заперты на тяжёлые железные засовы, и каждый хозяин собственноручно спускает с цепи старого, злого, лохматого и седомордого, осиплого от лая кобеля. И храпят до утра в жарких, грязных перинах, среди гор подушек, под мирным сиянием цветных лампадок. И дико орут во сне от страшных кошмаров и, проснувшись, долго чешутся и чавкают, творя нарочитую молитву против домового” [3, с. 140].

Романов события рассказа излагает последовательно в виде диалога. Именно содержание диалога Андрея Христофоровича с братом и его домочадцами узнаём о развитии событий в рассказе. Ведь известно, что Романов – мастер живого диалога. Диалог в этом рассказе помогает автору показать острое сюжетное противоречие между мировосприятием Андрея Христофоровича и его братьев. Как отмечал Солженицын, диалог у Романова “мастерский, устойчиво хорош, добротен,

часто очень смешон. И достигается неподдельность диалога – без отменных, характерных слов и даже без индивидуальности речи говорящих – а очень жив” [5]. Поэтому никакие новые сюжетно-композиционные приёмы Романову не нужны: “Его сила – живость диалога, особенно бытового, обилие сочного юмора (иногда с уклоном к сатире) и острое видение проблем – при неисчерпаемой новизне советской жизни” [5], – отмечал Солженицын. “Предоставив слово персонажам, автор отходит в сторонку, но, как опытный драматург, держит в руках все нити, незаметно направляя ход событий” [1, с. 254]. Диалог у Романова, примыкая к авторскому повествованию, “как бы продолжает его. Диалог не только подтверждает, иллюстрирует мысли автора, но развивает их, конкретизирует. Поэтому отпадает необходимость в словах, вводящих диалог. Они только бы отвлекали внимание читателя” [2, с. 58–59]. В рассказе диалог отражает социальное положение персонажей, их настроения, переживания, чувства. Так, брат Николай советует Андрею Христофоровичу: “Ты для деревни надел бы что-нибудь попроще, а то смотреть на тебя жалко” [4, с. 32], когда посмотрел на его воротнички и манжеты.

В рассказе “Русская душа” преобладает короткий, лаконичный диалог. Такое построение даёт автору возможность выяснить те или иные обстоятельства жизни персонажей, показать сущность психологии, внутренний мир персонажа, строй его мыслей, его истинное отношение к происходящему вокруг в самые короткие сроки.

Обращение Романова к народно-разговорной речи придаёт рассказу убедительность и жизненную достоверность, непосредственность, жизненность в обрисовке персонажей.

Использование ретардаций в рассказе помогает Романову раскрыть внутреннее восприятие персонажем происходящего и его жизненный уклад, его отношение к порядку в доме и желание обустроить свой быт: “езде валялись на окнах картонные пыжи, маниш для закручивания ружейных гильз” [4, с. 41], а во дворе “досадно загоразивали выросшие целой семьёй какие-то погребки, свинарники, курятники, расположившиеся перед окнами в самых неожиданных комбинациях” [4, с. 34] прекрасный вид ржаного поля, которое уходило в безграничную даль.

У Куприна же преобладает повествовательный тип изложения событий в рассказе. В ходе повествования знакомимся с обитателями уездного городка и их укладом жизни, который мало чем отличается от уклада романовских персонажей. Но чем дальше разворачиваются события и по мере возникновения новых персонажей, Куприн в серой, застойной среде выделяет яркую личность – лесничего Турченко.

В сущности, из всех купринских героев 1990-х годов, едва ли не один лесничий Турченко сохраняет в какой-то мере активную ненависть к косному, застойному укладу мещанства, стремление сделать жизнь красивее, чище, одухотворённое. Куприна привлекает в рассказе зрелая личность, сильная натура, осуществляющая свою рожденную жизненным опытом волю. Именно волевое действие отличает лесничего Турченко, с “упрямой энергией” выполняющего “культурную, ответственную и глубоко важную работу”, не любит и побаивается уездное мещанское “общество”. В их кругу он молчит, в карты не играет, а когда его не слышат его сограждане, тогда он называет их “попугаями”, “сонной, ленивой, ко всему равнодушной, ничего не любящей, ничего не знающей провинцией” [3, с. 139].

При дальнейшем чтении полностью поглощает внимание читателя рассказ лесничего Ивана Ивановича Турченко о чёрной молнии, которую он видел раз десять подряд. Куприн настолько красочно передает рассказ лесничего о черной молнии, что не замечаешь, как увлекаешься и тебе становится интересно дальнейшее продолжение истории, что забываешь о страхе перед таким могучим природным явлением.

Всё творчество Куприна пронизано любовью к природе, преклонением перед “натуральной” красотой и естественностью.

Проза Александра Ивановича Куприна сразу вызывает интерес читателей и поэтому не удивительно, что получила на редкость широкое признание. Молодой автор был замечен Л.Н. Толстым и А.П. Чеховым. Романов, в свою очередь, впервые был замечен М. Горьким и В. Короленко. Творческое наследие писателей велико и разнообразно. Но писали они о тех же людях, которые жили в одно и тоже время. Романов и Куприн описывали своих героев по-разному, но каждый хотел найти и видеть в них то доброе, светлое, что побеждает любые беды, невзгоды. Романов высмеивал пороки своих персонажей, чтобы читатели, увидев эти недостатки, стремились стать лучше. Куприн же призывал полюбить природу и себя в ней, найти через природу путь к самоочищению.

Литература

1. Злобина М. Ключи Пантелеймона Романова // Новый мир. – 1989. – № 9. – С. 253–258.
2. Логвин Р.П. Пантелеймон Романов // Відродження. – 1994. – № 8. – С. 59–62.

3. Куприн А.И. Рассказы / Сост., вступ. ст., коммент. О.М. Михайлова. – М.: Просвещение, 1989. – 319 с.
4. Романов П.С. Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. С. Никоненко. – М.: Худ. литература, 1988. – 400 с.
5. Солженицын А. Пантелеймон Романов. Рассказы советских лет // wysiwyg:// 24 / file: / A / | solgen.htm
6. Фатов Н. Пантелеймон Романов // Прибой: [Альманах]. – 1925. – № 1. – С. 271–295.

УДК 81'367.635

СТАНІСЛАВОВА Л.Л.
(Хмельницький)

ФУНКЦІЇ ПЕЙЗАЖНИХ ОПИСІВ У ПОВІСТІ ГР. ТЮТЮННИКА “ВОГНИК ДАЛЕКО В СТЕПУ”

У доповіді йдеться про семантичні та формальні зв'язки між пейзажними описами та розповіддю у повісті Гр. Тютюнника. Виявлено декілька типів таких зв'язків: пейзажний опис – розповідь (у таких випадках описи є засобом проекції або ж аналогії щодо подальшого розвитку подій); розповідь – пейзажний опис (у таких випадках описи виконують функцію позначення часового, локального фону дії, виступають об'єктом сприйняття персонажа). Особливість пейзажних описів в аналізованому творі – активна участь у творенні характеру головного персонажа.

Пейзажні описи є невід'ємною складовою більшої частини художніх текстів. Але їх семантика та структура, семантичні та формальні зв'язки з іншими функціональними типами тексту різняться у кожному тексті, залежать від жанру, літературного напрямку, індивідуального стилю письменника. Дослідженню пейзажних описів у художніх текстах приділяється чимало уваги філологів [2, с. 48–58; 1, с. 50–58]. Незважаючи на це, інтерес до такого аналізу не згасає, адже результати дослідження кожного художнього твору дозволяють відкривати своєрідність художньої майстерності кожного письменника, особливо письменника талановитого, дозволяють поглибити, збагатити таку галузь мовознавства, як теорія словесності, допомагають збагнути, як саме можуть впливати описові типи тексту на вираження його ідейно-естетичного змісту.

Предметом нашого дослідження є пейзажні описи у повісті Гр. Тютюнника “Вогник далеко в степу”. Вибір саме цього тексту зумовлений, у першу чергу, тим, що твори Гр. Тютюнника, хоч і не дуже численні, але надзвичайно своєрідні, талановиті, є невід'ємною частиною сучасної української літератури. А отже, вивчення секретів його творчості сприятиме формуванню більш повного уявлення про здобутки українського письменства. Водночас, пейзажні описи досить широко представлені у загальній структурі тексту повісті. Це дозволить здійснити репрезентативне, багатоаспектне їх дослідження. До того ж, у згаданому тексті розповідь ведеться від особи розповідача – оповідача і учасника подій, що складають сюжет повісті. Ця обставина досить суттєво впливає на характер пейзажних описів, дозволяє виявити їх специфічні особливості.

Метою роботи є дослідження того, яким чином пейзажні описи беруть участь у творенні тексту повісті, яку роль відіграють у розвитку сюжету, у характеротворенні.

Загальний функціональний тип повісті “Вогник далеко в степу” – розповідь з елементами пейзажного опису. Кількість пейзажних описів різного типу у тексті повісті – 42. Окремі описи складаються з декількох речень. Їх можна вважати порівняно значними за обсягом. Більша частина пейзажних описів є окремими “вкрапленнями” у тексті, що складаються з 1–2 речень. Зустрічаються описи, які побудовані з декількох членів речення. Пейзажні описи у повісті тісно пов'язані зі змістом, органічно вплітаються у тканину розповідних епізодів.

Сюжет досліджуваного твору пов'язаний із декількома місяцями життя сільського хлопчика-підлітка Павла. Його доля позначена гіркою печаттю тільки-но минулої війни. Загинув батько, від домівки залишилася маленька кімнатка, про їжу, одяг, тепло годі й мріяти. Єдина близька людина, мачуха тітка Ялосавета, не може дати ради і собі, і хлопцеві у злиднях повоєнного колгоспу. Надія на порятунок від голоду – на ремісничє училище, у якому можна вивчитися ремеслу, а головне – отримати сякий-такий харч і одяг.

Училище від села за дев'ять кілометрів, добиратися щодня до нього і назад додому довго, важко, але і Павло, і троє його друзів Василів знають, що це можливість вижити, а тому знаходять у собі сили долати і відстань, і холод, і осінню болотнечу. Символом їх готовності боротися за виживання, впертої віри в себе стає “вогник далеко в степу” – метафора, породжена у свідомості хлопців